

Евгений Сафронов

Мастер-класс (рассказ)

– Да, да. Это самый популярный вопрос. Мне его часто задают, и я, кстати, люблю на него отвечать. Почему? Да потому что всем нравятся хорошие истории, мы фактически целыми днями напролет только и занимаемся тем, что слушаем-смотрим или рассказываем-показываем. Откройте книгу или сайт, включите телеящик, сядьте позавтракать со своими близкими или перемойте косточки вашему начальнику в дружеской беседе с коллегами. Что вы делаете во всех этих случаях? Правильно. Соприкасаетесь с историями.

Вот вы меня спрашиваете: как я начал свое дело? И в ответ ждете историю. Пожалуйста. Ноу прблемс, как говорят американские проповедники.

В России «бюджетник» – понятие столь же широкое, пустое и многозначное, как, к примеру, «региональная идентичность» и «толерантность». Кто работал в домах культуры, библиотеках, учительствовал или ходил в белом халате по замызганному кафелю поликлиники – тот отлично знает, о чем я говорю.

У меня было еще интереснее: я работал контент-менеджером в одном официозном издании. Пояснить, что такое «контент-менеджер» надо? Нет? Тогда Гугл вам в помощь...

Ну, если коротко, я должен был каждое утро к восьми «нуль-нуль» приходиться в самое центральное здание самой центральной улицы нашего городка, пикать синим пластиковым пропуском в турникет и, усевшись в серое офисное кресло, заполнять официальный сайт всякой хренью. Ну что-то наподобие: «Сегодня в рамках очередного мероприятия был дан старт очередному проекту. В ходе торжественного открытия Такой-то Такойтович высказал слова благодарности, адресованные собравшимся...». И так далее. Знакомо?

Тут ошибиться сложно. У этих текстов одни и те же легко узнаваемые приметы – как синяки под глазами у женщины, живущей с мужем-алкоголиком. Если наткнетесь где-нибудь на словечки и обороты: «партийный проект», «в рамках», «в ходе», «в преддверии» или «не секрет, что...» – знайте, что это – они, четкие признаки текстов, выbleванных армией контент-менеджеров.

Я работал там семь лет. Семь лет – идеальный срок, время, когда у ребенка просыпается какое-то самосознание, рефлексия. Ну не просто там вопросы из серии: «А на хера?». Нет. Поглубже, посерьезнее.

В офисе, где я нажимал белые клавиши клавиатуры в окружении еще троих таких же счастливиц, были большие окна. Светлые, чуть ли не до пола – закрытые вертикальными полосками пыльных жалюзи. Вечером я поднимался с серого кресла, вставал на задеревеневшие, затекшие от многочасового геморройного сидения ноги и глядел через щелки жалюзи на постепенно падающее за горизонт солнце. Мы часто торчали в офисе допоздна, потому что к вечеру у тех, кто заказывал тексты о «в рамках» и «в преддверии», просыпалась нездоровая активность.

– Сашка, ты веришь в энергетических вампиров? – не раз спрашивал у меня Лешка Рубцов, html-верстальщик и мой неизменный соратник по курилке. Наведывались мы туда раз в полтора часа, дымили друг на друга и жаловались на жизнь.

– Да не очень. А что? – вяло отвечал я, заранее зная, что услышу от него.

– Была тут у нас одна – руководителем аппарата работала. Сухая, как доска, похожая на воблу и лису одновременно. Вот с ней поговоришь и чувствуешь, как энергия из тебя ручейком так и бежит, так и

льется... – говорил Лешка и блаженно щурился, словно вспоминал о самом приятном. А у него из приятного – известно что: напарница по верстке Наташка Бехерева.

– Да этого добра у нас навалом, – соглашался я. – Это ты тут сидишь целыми днями, в экран пялишься, а я, извини за выражение, еще и на ме-ро-при-я-ти-я хожу. Вот знаешь, Лешка, что такое эти самые «ме-ро-при-я-ти-я»? Это когда собираются в одном месте штук тридцать-сорок, как ты ни скажешь, энергетических вампиров и – давай! Пошли чесать языками про стратегическое развитие, патриотическое воспитание, инвестиционную привлекательность и тому подобную лабудень. А тебе не просто уши развесить надо, а запоминать-записывать – для того, чтобы потом контент нарисовать. Вот тут уж не ручейком, тут энергия от тебя к ним речным потоком льется!

Рубцов выдыхал дым, сочувственно кивал головой, и мы с ним возвращались на свои рабочие места. Он – чтобы играть «в шарики» или «танчики», а я – чтобы вбивать контент в поддерживаемый им веб-ресурс.

– Да, простите, я отвлекся немного. Сейчас самое время рассказать о встрече, перевернувшей всю мою жизнь. Знаете, я на своих бизнес-тренингах и мастер-классах часто этот оборот использую – «перевернувшей всю мою жизнь». Аудитории нравится...

А ведь, если по-честному, никакого переворота и не было! Нет, встреча, конечно, была, но вот переворота... Изменения начались еще до того, как я познакомился с Черновым. В общем, как часто повторяют плохие ораторы, расскажу всё по порядку.

Вы в чудеса верите? Нет, я серьезно. Я не про шапку-невидимку, мгновенное исцеление от рака или зеленых человечков, похитивших вашего соседа по лестничной площадке. Я – про совпадения. Неожиданное исполнение желаний. Вот приведу только один пример – самый будничнейший и обыкновеннейший. У меня друг – Паша Емельянов, он от бизнеса далек, наукой занимается – так вот он всегда говорит, что стоит ему в уличных вывесках заметить ошибку в каком-нибудь слове, так потом это слово попадается везде, куда ни глянь – и в книге, и в газете, и по телеку что-нибудь ляпнут, близкое к этому.

Я ему говорю: «Паша, ты настроился просто, мозг включил на определенную волну, вот он у тебя и выхватывает из реальности толь-

ко то, что тебе хочется видеть». А он в ответ: «Ты прав лишь наполовину. Мозг точно настроился – это очень важно. Но не он выхватывает, а сама реальность начинает под этот настрой перестраиваться». Гуманитарий, одним словом, – много ли с него возьмешь?

Короче, закавыка-то вся в том, что до встречи с Черновым я тоже иногда сталкивался с подобным. Подчиняешься какому-то внутреннему голосу, интуиции – и на тебе, совпадает до мурашек по спине. Помню, покупаю я однажды билет на самолет, а внутри – как тяжелое похмелье какое-то. Вот нехорошо на душе и всё тут. Маялся-маялся, а потом по электронке отменил заказ на этот рейс. В 2015 году помните самолет разбился – в Питер из Египта летел? Ага. Он самый.

Я это всё к чему говорю? Не для того, чтобы свою историю приукрасить, у нас мастер-класс вообще про другое. Мне просто хочется, чтобы вы поняли, что я пережил, как я вообще попал из бюджетников в разряд людей, которые принадлежат сами себе. Вы ведь за этим сюда пришли, так ведь? Научиться делу. А что может быть лучше конкретного примера?

Чернова я впервые увидел так: твердый и решительный стук в дверь, я даже не успеваю ответить, а на пороге уже проявляется мужичок. Вот это слово больше всего к нему подходит: чисто выбритый, подвижный, худощавый ртуть-мужичок. Сколько ему лет – непонятно: вроде бы виски седые, а усы – черные, как монитор Славки Овчинникова – моего соседа, чей стол напротив. В руках у неожиданного гостя – аккуратная сумка а ля сундук.

– Медом интересуетесь?

Я пялюсь на него и не могу сообразить, как его могли пропустить через турникет на первом этаже. Кто его знает, может, он с охранником в тесной дружбе пребывал? В офисе тогда никого, кроме меня, не было – такое нечасто, но случалось.

– Медом? Нет, мне не нужно.

– А зря! – говорит этот типчик, и я не успеваю глазом моргнуть, как он уже выставляет свои пластиковые контейнеры на Славкин стол. – Вы свои мешки под глазами видели? Вам бы гречишного и донника взять. По столовой ложке под язык – вечером и утром. Иной жизнью заживете, молодой человек!

А мне надо срочно писать очередной пресс-релиз – кровь из носа, вынь да положь! Приезд иногородней делегации по обмену премудростями в сфере авиапрома. У меня тот день вообще суматошный был: «Саша, туда, Саша, сюда! Саша, это слишком дурацкий заголовок!

Саша, это что за фотографию ты поставил?» – короче обычный, повседневный дурдом. А тут этот нарисовался – с медом который.

– Уберите, – говорю, – пожалуйста. Меня это совсем не интересует! Да и денег сейчас лишних нет. И мед я не люблю совсем.

– Как же можно любить или не любить, если вы меда нормально в своей жизни не пробовали ни разу? – качает головой чисто выбритый мужичок. – Вы, наверно, и молока-то настоящего не пили. Я вам образцы оставляю, это бесплатно. Там визитка моя: «Пасека Чернова Виталия Ивановича».

И испарился из кабинета. А две пластиковых квадратных баночки остались – в одной что-то коричневело, в другой – по-солнечному желтело.

Я пожал плечами и продолжил стучать белыми клавишами.

«– В случае реализации наших амбициозных планов авиационный кластер в регионе перейдет на качественно новую ступень развития, – подчеркнул директор предприятия...» – на автомате отбивали глупую дробь мои пальцы, а на мысленном экране то и дело показывалось усатое лицо пчеловода.

Я прервался и потянулся за желтым куском картона, лежавшем на крышке одного из пластиковых контейнеров. Простая надпись на визитке: «Пасека Чернова В.И.» и внизу – номер сотового телефона. В левом верхнем углу – изображение забавной пчелы, наполовину спрятавшейся в одуванчике.

«По словам заместителя главы департамента промышленности и транспорта, возросшее число заказов – яркое свидетельство правильной инвестиционной политики, ориентированной на...» – пальцы снова прерываются, сами собой тянутся к чайной ложке, торчащей из кружки с недопитым кофе. Пластиковая баночка с желтой начинкой вскрыта, и – под языком начинает медленно таять смесь солнца, полевого разнотравья и свежего воздуха.

«Иной жизнью заживете, молодой человек!» – вспоминаю я слова торговца медом и вздрагиваю. По инерции направляюсь в сторону курилки, там распечатываю пачку вишневого «Марко Поло», верчу сигарету в руках и засовываю ее обратно. До сих пор не могу вспомнить, дописал ли я в тот вечер чертов пресс-релиз про авиационный кластер. Но, видимо, да, на автомате достучал, иначе мне бы не миновать звонков на сотовый.

Я унес медовые образцы домой, а уже через месяц подал заявление об увольнении по собственному желанию на стол своего началь-

ства. Контент-менеджер в считанные недели превратился в помощника пчеловода. Да, именно так всё и произошло. Но что это был за месяц!

– Как? Я не говорил, что я к тому моменту был уже женат? Нет? Ну, это большое упущение с моей стороны. Не знаю, почему, но успешные бизнесмены всегда рассказывают на мастер-классах о семьях. Демонстрируют фото своих маленьких детей – например, умильные «обнимашки» с малышами на фоне природы. Это в тренде, модно – в общем, это как-то настраивает аудиторию на положительный лад. Я фото детей показывать не буду, но ребенок у меня есть. Да, девочка – шесть лет.

Так вот. Жена, в принципе, меня и спровоцировала: «Ах, какой хороший мед! Позвони, закажи еще баночки три – я маме отвезу».

Но я вру, конечно. Тут – другое. Я после того, как Чернов объявился у меня в кабинете, полночи без сна пролежал – с боку на бок проворочался. Вот не идет он у меня из головы – и всё тут! Хоть ты тресни. Почувствовал я что-то такое важное, теплое, какое-то... медовое в душе. В конце концов вскочил с кровати, пошел на кухню, зачерпнул чайную ложку донника и – под язык. Тогда только и заснул – яко младенец.

А наутро жена мед попробовала и давай меня теребить: «Саш, позвони, закажи у него, у пчеловода твоего, еще несколько баночек». Я про себя думаю: «С каких это пор он “моим” сделался?». Эх, как она потом жалела о том, что попросила меня позвонить ему! До сих пор думает, что, если бы не она, – остался бы я на всю жизнь предсказуемым и понятным контент-менеджером. А я уверен в другом: чудеса, господа-товарищи, случаются. Надо, как говорил мой друг – ученый Пашка Емельянов – просто мозг правильно настроить, и реальность изменится сама собой!

Я в тот же день Чернову и позвонил: «Так, мол, и так. Вы заходили, оставили образцы. Хочу приобрести еще». А он и говорит: «Вы тот самый молодой парень – с синими мешками под глазами? Э-э, нет! Так дело не пойдет!».

Я опешил и даже сразу не нашелся, что ему ответить. «Как? Почему не пойдет?» – спрашиваю. «Как вас зовут? Сашей? Саша, мне в эти выходные 70 лет исполняется, круглая дата, так сказать. И вы хотите, чтобы старый человек на ваш третий этаж тащился и принес вам

меду – на блюдечке с голубой каемочкой? И где здесь здоровье? Чему вы научитесь? Съедите этот мед, а там снова – за старое? Нет и еще раз нет! Давайте лучше так: у меня есть пасека, всего километров 150 от города. В великолепном месте! Заброшенное село, там пешочком пройти – мило дело: холмы, лес, речка, свежий воздух. Кра-со-та! Вместе с вами накачаем свежего разнотравья, посмотрите хоть, как это желтое золото добывается. Ну, согласны? В эти выходные?».

Я молчал и глупо улыбался в трубку. В выходные? В заброшенное село? Желтое золото? И это – после банального вопроса о покупке полутора килограммов меда?

«Я подумаю, – бормочу я наконец. – Тут у меня все-таки планы. Неожиданно как-то...»

«Какие такие планы, Саша? У компа торчать? Бросьте. Вся рабочая неделя будет впереди. Настучите еще вашими пальцами о белые клавиши!» – я прямо-таки вздрогнул оттого, как точно, почти дословно он воспроизвел мои потаенные мысли.

«Ну ладно! – выдавливаю я и продолжаю глупо улыбаться. – Я позвоню вам вечером в пятницу, договоримся, если я свободен буду».

«Да, конечно, будете свободны! Всё, замётано. Жду вашего звонка в 20 часов по Москве. Просьба не опаздывать: я ведь бывший военный – у меня всё четко должно быть!» – и короткие гудки в трубке.

Вот так занятный мужичок... «Бывший военный». Час от часу не легче.

Сиденья бордовой «семерки» едва уловимо пахли чем-то забытым и приятным. Только уже на обратном пути я понял, что черновская машина насквозь пропитана запахом «пчелопродуктов».

– Саша, вот ты думаешь: «Пчелы – это только мед? Так?». А это совсем иное. Пчелы – это и перга, и маточное молочко, и прополис, и забрус. Знаешь, что такое забрус? Вот когда мед забираешь, у сот крышечки верхние срезаешь. И вот будешь жевать такую штуку – и никаких тебе инфекций и болезней горла. А хондроз? Ты вот говоришь: шея у тебя от сидки за компьютером болит? Так?

Я нехотя кивал: шейный хондроз у меня и впрямь был нешуточный, боли были такие, что иногда хоть вешайся. Только вот когда я ему, блин, проговорился об этом?

– Пчелы от твоего хондроза – первые помощницы. Я тебе тряпицу из улья дам – она вся воском да медом пропитана, пчелками нага-

жена-насижена. Поносишь на шее – как рукой снимет. Апитерапию (это когда пчелы кусают, слышал?) я тебе не предлагаю – на это особая лицензия нужна.

За два часа пути, пока мы добирались на машине до «точки икс» (черновское выраженьице!), он рассказал мне о пчелах больше, чем я слышал за всю свою сознательно-бессознательную жизнь.

– Пчела, Саша, – великая труженица! Человеку и миллиона-то лет нет, а она трудится на земле-матушке больше 200 миллионов годов. И в отличие от людей никакого вреда для окружающего мира от нее нет. Что ни возьми от нее – всё сплошная польза. Так-то!

«Точкой икс» оказалась ближайшая к заброшенному поселению деревенька.

– Тут асфальт заканчивается, дальше пешкодралом придется. По лесам да по долам. Но ты не бойсь: тут недалёчко – семь километров туда, семь обратно. Готов?

Я поджал губы: мол, эка невидаль, семь километров! Виталий Иванович надел походный рюкзачок, нацепил на шею какой-то пакет и перекинул его назад – так, чтобы он болтался за спиной.

– Руки должны быть свободны, – пояснял мужичок. – Сейчас узнаешь, зачем.

Мы бросили машину на одной из сельских улиц, а сами устремились по едва заметной тропке в ближайший лес. Земля была мягкой и слегка влажной, хотя я не помнил, чтобы в городе за последнюю неделю шел дождь.

– Местность здесь немного болотистая, – бросал за плечо Чернов. – Но красивая – сам сейчас увидишь.

Он бодро стартанул и шел всё время впереди. В первой же рощице он залез в какой-то бурелом и вышел оттуда с широченной улыбкой и четырьмя палками-посохами.

– Ты, Саша, что-нибудь о скандинавской ходьбе слышал? Ага. Ступать за мной нужно след в след, и палками себе помогай – как на лыжах когда ходишь. Устанешь – говори, остановимся.

Затем он взял такой темп, что я едва поспевал за ним. Уже километра через два я в полной мере оценил идею пчеловода насчет скандинавской ходьбы. С палками и правда было намного легче идти.

Я вглядывался в спину шагающего впереди меня человека, смотрел на его размеренно работавшие руки и думал: «Неужели ему на днях исполняется 70 лет? Вот это прыть!».

Еще через три километра мои привыкшие к офисной жизни ноги и руки начали ныть. Поясница и левая коленка нещадно болели; шея задеревенела; хотелось остановиться и растянуться на влажной земле. Но стоило взглянуть на худощавую энергичную фигурку Чернова и становилось стыдно просить об остановке.

– Я ведь полковник в отставке. Приходилось в Африке служить два года – в Эфиопии. Вот идем мы как-то с колонной, и вдруг вижу: облако какое-то! Думаю: что это за феномен такой? А мне более опытный служака – товарищ мой – говорит: «Это пчелы!». Там растут такие кактусы огромные, они на короткое время по весне распускаются тысячами цветов. И вот африканские пчелы целыми армиями спускаются к ним и нектар-пыльцу собирают.

Пчеловод успевал и протаптывать мне тропу (я шел за ним след в след – и это тоже облегчало дорогу), и разговаривать, и работать обеими руками. По дороге он срывал какие-то веточки и цветы, объяснял, какие из них привлекательны для пчел, а какие нет.

Наконец, видимо, заметив, что я едва бреду, он объявил привал. Я уселся на поваленную ветром березу, вытянул ноги и блаженно закрыл глаза.

– А я вот по весне и летом раза два-три в неделю такие походы устраиваю. Привык уже. Ну, красиво? А, Саша?

Я открыл глаза и тут только услышал тысячи звуков леса: ветер шелестел листьями в верхушках деревьев; кругом переговаривались птицы; где-то в стороне мерно постукивал дятел. Я увидел границу леса: там желтело и зеленело бескрайнее поле, покрытое разнотравьем.

– Вон там – остатки барской усадьбы. Время будет – посмотрим поближе. А нам с тобой – налево, еще километрик-другой и до пасеки доберемся. Тут полно донника – это трава такая. Вот пчелки ее опыляют, мед творят. В основном, у меня на здешней пасеке «лесное разнотравье» получается. Ну, Александр, готов идти дальше?

Небольшой отдых взбодрил меня; открылось второе дыхание, и я зашагал быстрее.

Заброшенное село называлось совсем по-египетски – Александрия. Улица заброшенных домов из красного кирпича тянулась до другого края поселения.

– Здесь раньше, еще в царское время, свой кирпичный заводик был. Кирпич дешевле дерева обходился – вот и строили себе красные хоромы. Впечатляет?

Я закивал в ответ. Чернов года четыре назад прикупил здесь за бесценок один из красных домов – поближе к местной речке. Там-то, на огороде, и располагались пчелиные улья.

– Мед качать не приходилось? Никогда? Ну, мы это дело поправим. Сегодня я только покажу, как это делается. А вот в следующие разы мы уж развернемся по полной.

Я расширил глаза от удивления: «В следующие разы?». Но решил промолчать: зачем обижать старика? Когда чем-то увлечен, всегда кажется, что и другим так же интересно.

Мы вошли в избу. У левой стены стояли старые медовые рамки, неподалеку от порога – остатки ульев; на небольшой кухонке скоро зашумел чайник. Правда, для этого Виталию Ивановичу пришлось повозиться с электричеством: старый электрощиток отказывался работать.

– Сначала чайку с медом, а потом – работать! – объявил неутомимый пчеловод. – Нужно подготовить угольков для дымовухи, и я тебе защитную сетку для лица сейчас раздобуду.

На пасеке Чернов преобразился: лицо его светилось внутренним светом, движения стали мягче; угловатость сухой, поджарой фигуры сменилась какой-то неуловимой круглостью.

– Девоньки вы мои! Дождались-таки цветочков да хорошей погоды, – говорил он пчелам, осторожно открыв крышку и поднимая тряпки-утеплители. – Давай, Сашка, дыми сюда. Еще. Ага, хватит. Пусть попрячутся, а мы посмотрим, какие тут рамки уже созрели.

Я научился управляться с дымовухой не сразу, но с каждым осмотренным ульем получалось всё лучше. Затем Чернов нагрел ножи, подготовил в сарае медогонку, и действие началось.

– На-ка, попробуй, – смеялся пчеловод, и его черные усы смешно топорщились в разные стороны. – Да какая ложка? Зачем тебе? Пальцем бери – это же мед, он сам по себе убивает все бактерии и микробы. Ну каково? Вот это и есть самый лучший мед на свете – когда он из медогонки, жидкий еще. Ни с чем такое не сравнить.

Чернов был прав: свежее жидкое золото ароматного меда перетекало с моих пальцев прямо в рот, а вместе с ними в меня вливалась новая сила, новая энергия. Я почему-то вспомнил про энергетических вампиров, о которых мне рассказывал Лешка-верстальщик в курилке, и всё это – и курилка, и вампиры, и контент-менеджерство показалось мне тогда таким нереальным и невсамделишным... Реальность была здесь – в Александрии. Здесь всё – настоящее, неподдельное, не «в рамках» и не «в преддверии».

– Да, рамки-то надо новые сделать! – словно соглашаясь с моими мыслями, разглагольствовал Чернов на обратном пути. Мы с ним успели осмотреть и остатки барской усадьбы, и полюбоваться красотами здешней речки.

– Барин, говорят, здесь интересный был. Он-то и придумал египетское название для села – в честь своей дочки Сашеньки.

Обратная дорога далась мне легче. Но все равно я с большим облегчением выдохнул, когда увидел красноватую «семерку» Чернова, покорно, как собака, ожидавшую нашего возвращения.

– Я думаю, для первой нашей встречи вполне достаточно. На следующих занятиях мы уже обсудим с вами, а может, даже нарисуем конкретные бизнес-планы. Нет-нет, не только про пчеловодство – это я просто описал свой конкретный путь в бизнес. Потом у меня были и свои специальные магазины, где продавалась пчелопродукция, и много чего еще. Но это уже совсем другая история.

Вопросы у кого-то остались? Да? Вот женщина в третьем ряду. Да-да, вы. Хороший вопрос. Нет, сейчас у меня личной пасеки нет. Одно время была, а потом... Как-то я отошел от этого. Переключился на перепродажу меда, а затем вот стал бизнес-тренером. Езжу по стране – учу молодых. У меня сейчас немного другой бизнес.

Жалею? А о чем мне жалеть? А-а... О пчелах, о пасеке, о свободе. С Черновым мы и сейчас видимся, он постарел, конечно, но всё так же – молодцом-огурцом держится.

Ну, давайте последний. Да, вот вы молодой человек... Ага, я повторю ваш вопрос, а то не все его расслышали: «Не кажется ли вам, то бишь мне, что я променял шило на мыло, и снова стал контент-менеджером – только немного в другой сфере?». Отличный вопрос. Отличный. Честно говоря – не знаю. Я сейчас ответить не смогу. Я подумаю, можно? Отвечу вам в следующий раз. Я подумаю. Спасибо.

